

Всё тело Фан Чжи ныло от слабости, когда Сун Чэнцин внезапно напугал его. Глаза наполнились влагой, и он, жалуясь, начал капризничать:

— Чэнцин... Мне больно...

Сун Чэнцин протянул руку вниз, ощупывая то место. Две пухлые половые губы дрожали и выворачивались наружу, не в силах сомкнуться после бурной страсти. Вход во влагалище тоже опух, плотно закрыв отверстие, из которого обычно сочилась влага. Понимая, что больше пользоваться этим местом нельзя, он почувствовал невыносимую жалость, сожалея, что в пылу азарта забыл обо всём и довёл партнёра до такого состояния. Теперь ему самому было больно на это смотреть.

Внизу его массивный ствол всё ещё торчал. Встретившись взглядом с Фан Чжи, Сун Чэнцин, крихтя, уткнулся носом в его плечо и, словно большая собака, начал ласкаться.

Фан Чжи, чувствуя одновременно смущение и забаву, ощущал, как тот предмет упирается в него снизу. Он понимал, что партнёру тоже нелегко. Обняв Сун Чэнцина, он нежно погладил его по голове и тихо прошептал на ухо:

— Закрой глаза...

Сун Чэнцин поднял голову, его волчьи глаза сверкнули загадочным блеском. Фан Чжи не выдержал его взгляда, надул губы и, покраснев, нахмурившись, нарочно строго прикрикнул:

— Быстрее!

Сун Чэнцин сглотнул и покорно лёг на сложенные подушки, закрыв глаза. Однако его кадык продолжал подрагивать, выдавая, насколько он был возбуждён. Почувствовав, как Фан Чжи медленно забирается под одеяло, он выдохнул, но в последний момент не выдержал и откинул одеяло, прервав его действия.

Фан Чжи, только что схвативший в темноте тот огромный ствол, был застигнут врасплох. Стыдясь, он не знал, куда деться между бёдер Сун Чэнцина. Встретившись с его взглядом, он едва сдержал слёзы, которые застыли в уголках глаз, и с дрожью в голосе спросил:

— Что ты делаешь?..

Сун Чэнцин поспешно наклонился, подхватил его и усадил на себя. Он взял его лицо в руки и поцеловал:

— Жалко мне тебя заставлять, ладно...

Фан Чжи немного поплакал, но постепенно смущение прошло. Он покорно обнял Сун Чэнцина за шею и тихо, на выдохе, прошептал:

— Но я тоже хочу, чтобы тебе было приятно...

Сун Чэнцин сглотнул и, глядя на него, ничего не сказал. В конце концов он молча разрешил, наблюдая, как тот снова залезает под одеяло. Сун Чэнцин смотрел на шевелящееся одеяло и чувствовал, как его член наливается ещё сильнее. Одной лишь мысли о том, как Фан Чжи своими алыми губками делает сосательные движения, ему не терпелось ворваться внутрь и двигаться.

Фан Чжи нащупал тот огромный ствол и снова схватил его. Он был настолько большим, что Фан Чжи даже удивился, как он выдержал его так долго, не разорвавшись. В темноте под одеялом невозможно было разглядеть его цвет, но за многочисленные ночи любви он уже знал его наизусть.

Даже в темноте он мог представить, как этот тёмно-фиолетовый, толстый и длинный ствол врезается в его нежное цветочное отверстие, принося ему невероятное удовольствие. Вены на члене были выпуклыми, делая его ещё более трудным для принятия. Фан Чжи осторожно высунул язык и лизнул маленькое отверстие на головке, услышав, как Сун Чэнцин резко вдохнул.

Чувствуя одновременно смущение и лёгкую гордость, он обеими руками схватил висевшие внизу два уже твёрдых яичка и начал их разминать. Его маленький ротик едва смог обхватить тот огромный ствол.

Огромная головка едва поместилась у него во рту, но это было уже пределом. Фан Чжи впервые делал что-то подобное. Обычно Сун Чэнцин ни за что не позволил бы ему это, хотя тот несколько раз предлагал. Сун Чэнцин берёт его, даже в постели стараясь угождать ему во всём.

Сун Чэнцин почувствовал, как его уродливый ствол вошёл в тёплый и узкий ротик. Он схватил голову Фан Чжи между бёдер и стал уговаривать:

— Хороший мальчик, не торопись... Используй язычок...

Фан Чжи послушно высунул язык и осторожно облизал головку, почувствовав, как Сун Чэнцин невольно согнул ноги. Не зная, что на него нашло, он вдруг взял в рот почти весь ствол, обвив языком стебель, и тут же ощутил солоноватый привкус. Сун Чэнцин уже начал выделять смазку, и отверстие на верхушке сочилось влагой. Он обхватил губами верхушку и начал сосать, руками постоянно поглаживая и дёргая стебель, а внизу также нужно было позаботиться о яичках — инстинктивно он доводил Сун Чэнцина до такого экстаза, что тот забывал, где находится.

Сун Чэнцин закрыл глаза и несколько раз тяжело вздохнул, затем тихо приподнял одеяло, увидев смущённый и полный слёз взгляд Фан Чжи. Его рот был занят стволом, и он неумело двигался, выглядя беспомощным.

Фан Чжи, заметив, что его увидели, словно махнул рукой на всё и перестал обращать на него внимание, думая только о том, чтобы тот скорее кончил. Иначе этот ствол мог разорвать ему горло, так сильно он упирался.

Сун Чэнцин не выдержал такого стимула, непроизвольно двинул бёдрами вверх, чувствуя, как член входит в ещё более узкое место. Ему стало так приятно, что он сделал несколько глубоких толчков подряд.

— Ммм... — Фан Чжи, не зная, что делать, схватил его штуковину, но был настолько подавлен толчками, что глаза покраснели. Он смотрел на Сун Чэнцина с мольбой, уголки глаз опустились, выглядел он крайне жалко. Сун Чэнцин в конце концов не выдержал, лаская его щёку и уговаривая:

— Хороший мальчик, скоро всё закончится...

но продолжал неконтролируемо двигаться, каждый раз погружаясь глубоко в то узкое горло,

буквально заставляя ротик человека под ним пускать слюни, которые стекали по стволу вниз.

На мгновение рот его сам собой открылся, и он вымолвил:

— У нашего Сяо Чжи два рта, и оба такие мокрые... Фух... Как же хорошо...

Сказав это, не дожидаясь подготовки партнёра, он схватил его за голову и начал штурмовать верх, толстый чёрный член врезался в алые губы, головка была сдавлена горлом, выдавливая немного смазки, слюна намочила его чёрные волосы в паху, контрастируя с белым лицом Фан Чжи, что раззадоривало Сун Чэнцина и не давало ему остановить своё зверство.

— Ммм! — Фан Чжи, будучи схваченным, не мог убежать, мог только принимать эту грубую фрикцию, слёзы текли ручьём, он только надеялся, что тот скорее кончит, горло горело огнём, уголки рта, казалось, порвались, от ударов он знал только, как механически сосать этот ствол.

Он изо всех сил сжал горло, приложил усилие и в конце концов взял ствол в рот, соса верхушку, и Сун Чэнцин почувствовал, что горячий поток внизу мгновенно вышёл из-под контроля, контроль ослабел, и он не успел вытащить его, как мутная белая жидкость вся попала в рот Фан Чжи.

Фан Чжи, сдерживая рыдания и боль, не зная, был ли он ошеломлён от секса или чем-то ещё, на удивление дернулся горлом и проглотил всё это, закрыл глаза, слёзы потекли по щекам к подбородку, он беззвучно лежал на бёдрах Сун Чэнцина, дрожа плечами.

Сун Чэнцину стало хорошо и приятно, и только теперь он понял, что паникует. Он осторожно поднял его лицо, посмотрел и испугался, на мгновение растерявшись. Уголки рта Фан Чжи были порваны, выступила немного крови, порванная кожа задралась, из-за чего его опухший рот выглядел ещё более заслуживающим жалости, повсюду рассказывая о только что совершённом зверстве. Открыв рот, его хриплый голос не мог выговорить ни слова, он сдерживал рыдания, тихо дыша и глядя на него, слёзы не удерживались на уголках глаз и падали на его уже смягчшийся тёмный ствол внизу.

Сун Чэнцин осторожно поднял его наверх, нахмурился, накинул одежду и вышел из-под одеяла, открыв дверь и позвав двух слуг, приказав им несколько фраз. Фан Чжи лежал на кровати, во рту пекло от боли, он не мог дышать, вдох вызывал сухую боль в горле, казалось, что и закрывать рот нельзя, и открывать тоже, он беспомощно заплакал.

В это время он не видел, как Сун Чэнцин подходит обнять и утешить его, и подумал, что, наверное, сделал что-то не так только что, и ему стало ещё обиднее, слёзы прорвались плотиной и намочили подушку.

Сун Чэнцин принёс стакан тёплой воды и увидел, как его любимый человек один свернулся в углу кровати и роняет слёзы, в мгновение ока он чуть не лопнул от раскаяния. Он поспешно и тихо забрался на кровать, полусжал человека в объятиях, не переставая говорить:

— Это я был неправ, заставил нашего Сяо Чжи страдать, не плачь, не плачь, муж тут, не плачет...

Фан Чжи постепенно перестал икать и, всё ещё хриплым и ломаным голосом, спросил:

— Я хорошо сделал?

Сун Чэнцин, видя его такое послушное поведение, чувствовал такую жалость, что не знал, как

его ещё любить. По-настоящему боялся, что если держать в ладонях — разобьётся, если держать во рту — растает, где уж тут говорить, что плохо? Обняв человека, он поцеловал уголок глаза Фан Чжи, где ещё не сошёл румянец, и нежно сказал:

— Хорошо, наш Сяо Чжи сделал очень хорошо... Это я был плох, заставил тебя так испытывать боль, это я был плох, ты бей меня...

В голосе сквозила сильная жалость, он мягко взял руку Фан Чжи и сделал вид, что хочет ударить себя по лицу.

<http://bllate.org/book/16757/1540560>